

потемнители велѣній совѣсти вызываютъ глубокое негодованіе Толстого. Физическое насиліе онъ порицаетъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Войско, по его мнѣнію, существуетъ только противъ внутреннихъ враговъ. Никакія соображенія патриотическаго характера не кажутся ему искренними и убѣдительными. Самому патриотизму нѣтъ мѣста въ системѣ Толстого. Люди братья. Нѣсть Еллинъ, ни Іудей. Патриотизмъ противенъ закону любви къ ближнимъ и къ врагамъ. Толстому, конечно, не можетъ быть неизвѣстно то обстоятельство, что въ современной жизни народовъ патриотизмъ часто служитъ узкоклассовымъ интересамъ определенной социальной группы, что тамъ, гдѣ патриотизмъ не выгоденъ богатымъ, они забываютъ о немъ: французская аристократія конца XVIII вѣка призвала во францію иностранныхъ войска.

По отношенію къ собственности Толстой стоитъ на социалистической точкѣ зрѣнія, признавая вслѣдъ за Джоржемъ, но съ нѣкоторыми поправками, націонализацию земли, каковая (национализациа) неизбежно сближается у него съ муниципализацией:—государственную организацию жизни онъ вѣдь отрицаетъ. Но яснаго представленія о будущихъ формахъ производства и хозяйственныхъ отношеній Толстой не имѣетъ. Онъ не признаетъ государственной (коллективной) организациі труда, не признаетъ и капитализма съ его индивидуальнымъ хозяйствомъ и принципомъ конкуренціи и борьбы. Толстому кажется, что въ будущемъ вся жизнь до чрезвычайности упростится. Люди будутъ вести простую здоровую жизнь, въ основѣ которой будетъ лежать физическій трудъ. Современная роскошь и разныя блага культуры излишни. Къ чему всѣ эти телефоны, телеграфы, электричество, выставки, если ⁹⁹/₁₀₀ людей должны отъ нихъ страдать. Возстава противъ излишествъ культуры и роскоши, Толстой высказывается и противъ науки и современнаго искусства. Люди науки кажутся Толстому шарлатанами, и онъ часто насмѣхается надъ ихъ надутой важностью и ученымъ невѣжествомъ: существеннаго то они не знаютъ—смысла жизни, а это самое важное, и для познанія смысла жизни не требуется огромной эрудици. Истина ясна для каждого, кто умѣетъ читать евангеліе.

Но отрицая „научную науку“ и не признавая въ ней руководительницы жизни, Толстой, тѣмъ не менѣе, не отрицаетъ культуру, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ сельско-хозяйственному быту.

Здѣсь Толстой опять впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой: онъ желаетъ, чтобы техника и улучшенные способы веденія хозяйства устранили всякую необходимость эксплуатаціи челоуѣка и, въ то же время, не замѣчаетъ, что примѣненіе этихъ требованій въ отношеніи къ сельско-хозяйственной культурѣ предполагаетъ широкое и всестороннее развитіе культуры вообще. Вѣдь для того, чтобы сдѣлать одинъ винтъ для хорошей сельско-хозяйственной машины необходимо развитіе желѣзнодорожной промышленности, достигнутое об-